

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Н.В. УСТРЯЛОВА ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ НА РОДИНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ПИСЕМ К СМЕНОВЕХОВЦУ Г.Н. ДИКОМУ)

Аннотация

Николай Васильевич Устрялов — знаковая фигура Русского зарубежья 1920—1930-х гг. Его биография, общественно-политическая деятельность, взгляды представляют большой интерес не только для профессиональных историков. Предвидя пробуждение после революции русских культурных «струй» в большевизме, он являлся идеологом возвращенчества. В этой связи Устрялова историографическая традиция относит к патриотическому лагерю приверженцев сильного государства.

Особое значение для понимания мировоззренческой позиции Н.В. Устрялова представляют его работы предвоенного времени, когда над Советским Союзом нависла смертельная угроза. Приближавшаяся война стала индикатором идеологической самоидентификации русской эмиграции. Поэтому для исторической науки сложно переоценить значение документов личного происхождения, в частности, эпистолярных источников, в которых Н.В. Устрялов мог позволить

себе большую свободу суждений, чем в публицистике. В письмах Устрялова содержится важная информация для понимания его истинных позиций, скрытых установок. Однако не следует забывать и про внутреннюю критику источника, поскольку автор писем мог быть не до конца честен перед адресатом или преследовать иную цель — идеологическую манипуляцию.

Научная новизна данной статьи состоит в комплексном исследовании сущности и эволюции идейно-политической и историко-философской концепции Н.В. Устрялова. Представлен анализ непосредственных причин, под воздействием которых Н.В. Устрялов решил вернуться на Родину. Доказывается, что оригинальная концепция национал-большевизма Н.В. Устрялова не теряла своего смысла и до его переезда в СССР.

Ключевые слова

Н.В. Устрялов, Г.Н. Дикой, Русское Зарубежье, русская эмиграция, СССР, «сменовеховство», «возвращенчество».

THE EVOLUTION OF N.V. USTRYALOV BEFORE RETURNING HOME (BASED ON HIS LETTERS TO G.N. DIKOY)

Annotation:

Nikolai Vasilyevich Ustryalov is an iconic figure of the Russian Diaspora of the 1920–1930s. His biography, social and political activities, views are of great interest not only for professional historians. Foreseeing the awakening of Russian cultural “jets” in Bolshevism after the revolution, he was the ideologist of return. In this regard, Ustryalov historiographical tradition are Patriotic camp of supporters of a strong state.

Of particular importance for the understanding of the worldview Ustryalov represent his work of the prewar period, when the Soviet Union was in mortal danger. The approaching war became an indicator of ideological self-identification of Russian emigration. Therefore, for historical science it is difficult to overestimate the importance of documents of personal origin, in particular, epistolary sources, in which N.V. Ustryalov could afford more freedom of judgment than in journalism. In letters Ustryalov contains

important information for the understanding of his true position, concealed installations. However, we should not forget about the internal criticism of the source, as the author of the letters could not be completely honest with the addressee or pursue another goal – ideological manipulation.

The scientific novelty of this article consists in a comprehensive study of the essence and evolution of the ideological, political and historiosophical concept of N.V. Ustryalov. The analysis of the immediate causes under the influence of which N. V. Ustryalov decided to return home. It is proved that his original conception of national Bolshevism did not lose its meaning before his move to the USSR.

Keywords:

N.V. Ustryalov, G.N. Dikoy, Russian Diaspora, Russian emigration, the Soviet Union, “milestone change”, “vozvraschenets”.

Николай Васильевич Устрялов как идеолог «сменовеховства», разработчик концепции национал-большевизма и «российского термидора» вызывал и вызывает до сих пор в историографии неоднозначные, часто полярные, оценки. Наиболее острые дискуссии ведутся по поводу последнего периода его жизни, связанного с пребыванием в харбинской «полуэмиграции», во время которой было принято решение вернуться на Родину. Историк А.В. Квакин полагает, что ре-

шиться на этот шаг Устрялова подтолкнули идеи, которые тот пропагандировал в течение последних 15 лет (Квакин 2007: 98—112). О.А. Воробьев отмечал, что в харбинский период Устрялов эволюционировал сменовеховца до «настоящего апологета Сталина» (Воробьев 1999: 200). Разобраться в этом вопросе можно, обратившись к эпистолярному наследию Н.В. Устрялова. Свои письма накануне переезда в СССР в 1934 г. он оформил в «архив письменного стола и памяти» в че-

тырех экземплярах. Один экземпляр был помещен в чешский национальный архив (Прага), второй был отправлен в США, в Гуверовский архив, третий хранился у сменовеховца Г.Н. Дикого в Париже. В переписке с ним содержится ценная информация, отражающая психологию и идеологию эмиграции предвоенного десятилетия, ее душевные метания и поиски (ИА3 1999: 147).

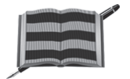
В этой связи опубликованные упомянутым выше О.А. Воробьевым в ряде выпусков журнала «Исторический архив» за 1999 год письма Николая Васильевича Устрялова к сменовеховцу Григорию Никифоровичу Дикому, охватывающие период с лета 1930 г. по май 1935 г. представляют особое значение для понимания многих идеологических процессов, происходивших в сознании не только идеолога национал-большевизма, но и русской эмиграции в целом.

Сменовеховская идеология за 15 лет существования эволюционировала, прогрессивно трансформируясь последние пять лет «харбинского одиночества» своего главного творца. Однако анализ писем Н.В. Устрялова позволяет сделать вывод, что, меняясь по форме, она не изменила свою сущность.

Диалектика пореволюционных взглядов Н.В. Устрялова сводилась к поискам синтеза нигилистической революционной энергии, разрушающей все отжившее и чуждое, навешанное общемировым кризисом капитализма, с русской общественно-политической и культурно-исторической традицией в практике советского государства. Созданная им идеология национал-большевизма предвещала превращение интернационалистской советской

власти в «национальный фактор русской жизни» (Устрялов 2003: 51). Еще в 1921 г. Н.В. Устрялов прогнозировал неминуемое преобразование советского режима в национал-большевистский. Национал-большевистский строй, по Устрялову, был чужд принципам интернационализма и коммунизма, что начало проявляться уже в годы нэпа, «экономического Бреста большевизма» (Устрялов 2003: 51).

Находясь в эмиграции, Николай Васильевич внимательно следил за событиями в СССР, общаясь с советскими спецами, читая советские газеты и журналы, местную харбинскую прессу, получая информацию из Европы через разнообразную периодику, а также через переписку с Г.Н. Диким и некоторыми евразийцами. Однако сведения были весьма противоречивыми — «между ура и караул». С лета 1930 до декабря 1933 г. Н.В. Устрялов твердо стоял на прежних «сменовеховских» позициях, занимаясь изучением советской действительности и отслеживанием формирования ее «национал-большевистского» покроя. Выжидательная тактика пассивного созерцания под знаменами «одинокой, но славной идеологии» объяснялась оптимистической верой в ее научно-прогностическую силу. Н.В. Устрялов считал, что прошло время, когда было возможно воздействовать публицистикой на ход событий. Однако при этом выражал надежду, что его концепция окажется «в состоянии сыграть и какую-либо «практическую» роль — так сказать, рикошетом» (ИА1 1999: 208). В то же время, зная про критическое отношение к «устряловщине» в СССР, харбинский одиночка опасался, что любая его «активность» может повредить делу. Н.В. Устрялов как крупный идеолог и

тонко чувствующий политическую атмосферу аналитик боялся потерять возможность оказывать влияние на политические процессы в СССР. Для этого необходимо было выстраивать наукообразную теорию без претензий на какую-либо пропаганду (ИА2 1999: 92—93).

Он был осведомлен, что в Союзе изучают его творчество на самом высоком уровне. Пристально следил за реакцией советских идеологов на свои статьи. «Пассивное» созерцание не сводилось к пустой констатации. Стремясь понять логику и законы советского курса, Н.В. Устрялов вместе с тем пытался подвести их под рамки своей национал-большевистской концепции, критически оценивая всё, не укладывающееся в ее «научную парадигму».

Критика советской действительности сводилась к трем ключевым проблемам — темпам экономического развития, человеческим жертвам и издержкам производства. В письме Г.Н. Дикому от октября 1930 г., говоря об идеологической компании против идеологов нэпа Н.Д. Кондратьева, В.Г. Громана и Я.М. Юровского, Н.В. Устрялов проводил решительную грань между их «вредительством» и их теоретическими работами, стоял на прежней своей сменовеховской позиции — развитие нэпа и последовательное осуществление госкапитализма (ИА1: 206). Вплоть до начала 1934 г. Н.В. Устрялов надеялся, что его сменовеховские прогнозы оправдаются (ИА2 1999: 121).

Он подвергал критике установку советского курса индустриализации на рост «национального богатства за счет народного благосостояния» (ИА2 1999:

97). А в период с 1930 по 1932 г. идеолог национал-большевизма высказывал принципиальное несогласие и с темпами индустриализации, полагая, что стране, доведенной до изнеможения, необходима передышка и пятилетку можно растянуть на 6—7 лет. Он верил, что у страны есть время и война не начнется, по крайней мере, скоро. Устрялов выступал с критикой репрессий против партийной интеллигенции. По его мнению, это привело к весне 1931 г. к жестокой идейной деградации (ИА2 1999: 97). В то же время, рассматривая трагические и вместе с тем знаковые события в России первой трети XX в. через призму мировых революционных процессов, харбинский мыслитель отмечал, что террор — это революционное проявление «громادного исторического процесса, развертывающегося в стране» (ИА1 1999: 209).

Крупный мыслитель, он смог подняться над своими личностными и социальными притязаниями, «индивидуальными и групповыми страданиями» и перейти в сферу глобального анализа логики государственно-исторического процесса, признавая его грандиозность и масштабность. Он отрицал абстрактный гуманизм при оценке революционных событий, полагая, что если итогом социально-исторических катаклизмов является «спасения», то беды и трудности можно оправдать (ИА3 1999: 115).

Таким образом, с лета 1930 до декабря 1932 г. Н.В. Устрялов был еще далек от принципиального принятия новой только еще перерождающейся в национал-большевистском ключе революционной советской действительности «с чуждой, но пришедшей нам на смену средой». Однако

в то же время с весны 1931 г. в воззрениях Николая Васильевича начинают выявляться некоторые идейные подвижки. Так, в письме Г.Н. Дикому от 28 марта 1931 г. он рекомендует не спешить с признанием своих заблуждений в идейных установках (ИА2 1999: 95). Во многом такой подход был обусловлен менее резким, чем ранее, даже положительным в некоторых аспектах откликом в партийной прессе. Харбинец призывал своего европейского коллегу подчеркивать «враждебность ко всяким, даже и глубоко скрытым, антисоветским замыслам извне и внутри» (ИА2 1999: 95).

В этот период уже прослеживается понимание некой заостренности прежних установок, в которые уже не укладывалась живая динамика истории, но отказаться от них Н.В. Устрялов пока еще не мог. А это затрудняло анализ советской действительности. Так, в письме Г.Н. Дикому от 6 апреля 1931 г. Н.В. Устрялов заявлял, что ему сложно отказаться от своих прежних идей. Он осознавал, что при всей его симпатии к правому уклону «советовать» идти по этому пути нельзя (ИА2 1999: 99).

По письмам можно проследить усиление идейного тяготения к СССР с весны 1931 г. Это было связано, прежде всего, с солидаризацией с его внешнеполитическим курсом, который оценивался в национально-патриотическом ключе. В геополитическом плане данный курс обосновывался идеей сохранения имперского пространства. Н.В. Устрялов полностью разделял дипломатическую линию Москвы в большой европейской политике, предчувствуя нависшую угрозу «антисоветского мирового похода» еще в марте 1932 г. (ИА2 1999: 120).

В переписке с Г.Н. Диким Николай Васильевич раскрылся как незаурядный геополитик, чьи прогнозы впоследствии имели практическое подтверждение. В эмиграции он написал несколько лекций на эту тему. Так, анализируя международную обстановку в 1932 г., он предвосхищал планы национал-социализма по выстраиванию блока-«оси» со странами Европы и Японией против СССР (ИА2 1999: 120).

В том же 1932 г. Н.В. Устрялов предрекал возможность войны с Японией. Подчеркивалось также, что военные действия с Японией будут прелюдией к мировой войне, войне против СССР (ИА3 1999: 108).

Рассматривая деятельность Лиги Наций, Н.В. Устрялов прекрасно понимал, что это европейский геополитический рычаг давления на СССР, который в частности стремился лишить СССР его стратегического союзника на Востоке — Китая, взяв, таким образом, нашу страну в клещи (ИА3: 108). В апреле 1933 г., когда в мировой атмосфере «конкретнее запахло темой раздела России», Н.В. Устрялов точно очертил геополитические планы аутсайдеров Версальской системы: раздел Китая и России (ИА3 1999: 116). Анализируя внешнюю политику Москвы в 1933 г., он нашел ее «безукоризненной», поскольку она полностью соответствовала его геополитическим чаяниям, отраженным в брошюре 1929 г. «Hic Rhodus, hic salta», в которой он отстаивал неизбежность перехода СССР от интернациональных лозунгов к государственным, к преодолению изоляции (ИА3 1999: 124). Провозвестниками такого перерождения, по мнению Н.В. Устрялова, были уклады-

вающиеся в рамки национал-большевистских схем пакты наркома иностранных дел М. Литвинова по созданию в Европе системы «коллективной безопасности», которые могли бы послужить барьером для осуществления реваншистских планов Германии и способствовать возвращению России в Европу, что стало бы «веским положительным фактором равновесия» (ИАЗ 1999: 124). В письме от 2 ноября 1933 г. Николай Васильевич likовал по поводу ознаменованного этими пактами решительного перехода к национал-большевистской геополитической линии (ИАЗ 1999: 127).

Таким образом, национальное «перерождение», в представлении Н.В. Устрялова, началось именно с внешних контуров «советской империи», с внешней политики. Иными словами, исторический процесс вошел в нужное русло возрождения «русского фактора» в мире, когда страна оказалась в опасности и руководство стало нащупывать единственно правильные пути выхода по сохранению государственной идентичности, коими оказались те рецепты, о которых еще в 1920-е гг. говорил харбинский одиночка.

При этом советская политика сбросила с себя все революционное, интернациональное и враждебное государственно-державной сущности, ведь «Коминтерн — отец фашистских успехов» (ИАЗ 1999: 127). С ноября 1933 г. Николай Васильевич открыто называет советскую политику национал-большевистской, рациональной, гибкой и успешной, радуясь ее успехам.

Перерождение внешней политики из интернациональной в имперско-национальную наталкивало Н.В. Устрялова на оптимистичные прогнозы относительно

национал-большевистского перерождения внутривластного курса страны. Тогда же Н.В. Устрялов начинает думать о возможном «нырянии» в родные советские стихии. С этой целью он отдал своих детей в местную советскую школу (ИАЗ 1999: 109).

Конец 1932 г. стал знаковым в сменовеховских исканиях харбинского мыслителя. Анализируя социально-экономическую политику генеральной линии, Н.В. Устрялов пришел к выводу, что долгожданный термидор, национал-большевистское перерождение СССР по третьему пути, предусмотренному «новым этапом», началось, в частности, в колхозах стали воспроизводиться принципы старой общины с ее частно-хозяйственными установками (ИАЗ 1999: 113). При этом подчеркивалось, что третий путь — новый, синтезный, не революция и не реставрация, а реформация.

Зимой 1933 г. Н.В. Устрялов ожидал коренного поворота курса «буржуазного реставраторства», решительного поворота направо: «иначе ничего не выйдет» (ИАЗ 1999: 114). Но уже к июню того же г., не отказываясь от симпатий к правому уклону, Н.В. Устрялов констатирует, что вряд ли правый уклон сможет возглавить процесс (ИАЗ 1999: 119). Это признание имело принципиальное значение в переосмыслении прежних сменовеховских позиций Н.В. Устрялова. Он осознавал, что его правые идеи, преломившись через призму исторической практики, зашли в социально-философский тупик. Но боязнь солидаризации с политической эмиграцией, повторения смены вех заставляла его сдерживаться в суждениях и отказываться от «демонстративных

перемен линии». При этом в переписке с Г.Н. Диким в июне 1932 г. Н.В. Устрялов признавался в бессилии сменовеховских идеологических конструкций: «Нам же нечего предъявить, нет у нас в кармане секрета спасения России» (ИАЗ 1999: 120).

В этой связи меняется и вектор идейных исканий от попыток идеологического воздействия на элиту к мотиву «приятия» не только «революции», но и выдвинутой ею конкретной власти, которая должна любыми путями, вплоть до введения военной диктатуры, в условиях опасностей, угрожающих Родине, предотвратить распад, разложение и раздел (ИАЗ 1999: 120). Итак, с лета 1933 г. идея соответствия советской политики задаче спасения страны становится основной установкой устряловского национал-большевизма.

К июлю 1933 г. Н.В. Устрялов полагает, что национал-большевистский курс в политике СССР достигает гармонии: во внешней политике — это удачное противостояние опасностям и сохранение страны как геополитического феномена, а во внутренней ей уже «нельзя отказать в исторической логичности большого масштаба» (ИАЗ 1999: 122).

Осознание неизбежности «издержек процесса» ради спасения страны привело Н.В. Устрялова к иной оценке коллективизации, осознается ее трагическая значимость для страны. Осенью 1933 г., видя успехи СССР на международной арене, Н.В. Устрялов не сомневается, что внутренние проблемы «будут изживаться „имманентно“... Думается, худшее уже позади (31—32 годы)» (ИАЗ 1999: 127–128).

Происходит и более позитивное восприятие пятилетки как стратегически необходимой политики. К зиме 1934 г.,

когда «аграрная революция» 1929 г. начала давать положительные результаты, Н.В. Устрялов радостно констатировал, что в идеологической атмосфере СССР появляются идеалистические установки на жизненный прорыв. Это дало ему основание сделать оптимистический прогноз, что если страна выстоит перед надвигающейся угрозой, то национал-большевистская реконструкция осуществится! (ИАЗ 1999: 134) Более того, по его мнению, отсрочка очевидной военной угрозы стране Советов стала возможна благодаря правильному курсу генеральной линии. Эти обстоятельства, по мнению Н.В. Устрялова, свидетельствовали о свершившемся перерождении русского национализма в имперский, т. е. неизбежно советский» (ИАЗ 1999: 128).

Окончательное признание успехов сталинской революции идеологом национал-большевизма произошло в марте 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), на котором были подведены итоги первой пятилетки: «Перелом совершился, худшее позади, и теперь пойдет улучшение» (ИАЗ 1999: 137). Чувствуя изменения идеологической атмосферы, Н.В. Устрялов выражал надежду, что вскоре начнется смягчение натянутой до предела «струны»: возвращение к лозунгам «зажиточности», к новой системе хозяйственных стимулов (ИАЗ 1999: 137).

В марте 1934 г. в письме к Г.Н. Дикому Н.В. Устрялов заявляет о необходимости снять лозунги эпохи нэпа (ИАЗ 1999: 138). Однако при этом он продолжает надеяться на политическую «весну», «чтобы хотя бы вернулся режим эпохи нэпа, — конечно, без самого нэпа» (ИАЗ 1999: 140). Известно, что в Советском Союзе нэпо-

вская либерализация охватывала лишь социально-экономический базис, в то время как надстроечные — политические и идеологические аспекты жизни — государство жестко контролировало и цензурировало. Подобный призыв, ожидание «устряловской оттепели» был своего рода идейно-политическим конструктом, которым воспользуются позже, в эпоху горбачевской перестройки.

Декларативный отказ от нэповских идей и признание обязательности руководства генеральной линии, политической дисциплины в письме Г.Н. Дикому объяснялись вынужденной мерой для слияния с родной средой без последствий.

В письме от 2 апреля 1934 г. он заявлял: «В области внешней политики **наша взяла** (подчеркнуто мной. — А.М.): Сталин — типичный национал-большевик. В области внутренней политики удается этатизировать все народное хозяйство: назовем это социализмом, дело не в словах» (ИАЗ 1999: 138).

Означало ли это отход от своих собственноручно устряловских позиций и полное принятие советской действительности, «растворение» в коммунистической идеологии? Думается, что нет. Принятие советской действительности осуществлялось по степени приближения ее к национал-большевистской модели, разработанной Н.В. Устряловым. Внешняя политика хороша постольку, поскольку И.В. Сталин стал действовать, как был уверен харбинский мыслитель, по его заветам, а не исходя из насущных практических потребностей и собственных замыслов. В этой связи Н.В. Устрялова можно назвать «апологетом Сталина» только постольку, поскольку И.В. Сталин в пред-

ставлении Николая Васильевича, полностью принял установки национал-большевизма.

В ноябре 1934 г., преисполненный оптимистических настроений, беседуя с очевидцами, Н.В. Устрялов отмечал положительную динамику развития СССР (ИАЗ 1999: 150). Именно в это время он принимает окончательное решение вернуться на Родину, что было подкреплено извещением «по телефону» соответствующих служб. Встретив «полнейшее понимание со стороны контрагента», харбинский скиталец полагал, что его участь будет решать лично Сталин (ИАЗ 1999: 150).

В письме от 16 февраля 1935 г. к редактору «Завтра» Ю.А. Ширинскому-Шихматову, копия которого была переслана также Г.Н. Дикому, подводя итог тринадцатилетней истории сменовеховского движения, Н.В. Устрялов отмечал, что произошло слияние этой вымоленной сменовеховскими чаяниями Идеи и советского правительственного курса, отсюда снимаются все противоречия между народом и властью. Власть пропиталась национально-историческим духом и начала динамично преобразовывать действительность, корректируя на практике старые сменовеховские схемы, отбрасывая родовые пелены революционного нигилизма. Поэтому Н.В. Устрялов вполне допускал, что идея должна следовать имманентной революционной диалектике, поэтому теперь можно и нужно отойти от старой схемы госкапитализма к социализму (ИАЗ 1999: 155)

Торжество сменовеховской эпопеи?

На первый взгляд создается впечатление, что философ дождался, когда его

идеи обрели плоть в государственной практике СССР, и возвращается, «добровольно обрекая себя на растворение “в атмосфере родной страны”». В одном из последних писем из Харбина, написанных перед отъездом, Н.В. Устрялов, осознавая глубокую историческую связь курса советской власти с имперской традицией, писал, что русское государство, как и в петровское время, обретает свою силу через жесткие методы, однако, это необходимые меры для выживания страны. Устрялов был готов принести и себя в жертву Родине (ИАЗ: 161).

Однако идиллическая картина слияния бросившегося Пигмалиона в объятия наконец-то ожившей Галатеи, созданная Н.В. Устряловым для соответствующих органов госбезопасности, являлась всего лишь мифологемой, источником творческого вдохновения для романтически настроенных исследователей. Думается, что судорожная работа над архивом и отправка его за рубеж — наглядное свидетельство того, что подлинные убеждения крупного идеолога остались при нем до конца. И здесь можно согласиться с профессором А.В. Квакиным, что в Москву поехал отредактированный, почищенный «официальный Устрялов», а «истинный Устрялов» должен был спастись в зарубежных архивах.

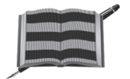
При всей осторожности публичных заявлений в переписке с Г.Н. Диким профессор Н.В. Устрялов позволял себе большую свободу и откровенность суждений, через которые проглядывается тот самый «истинный Устрялов».

Н.В. Устрялов до последнего момента не отказывался от поисков идеологического воздействия на советское общество.

Например, в декабре 1933 г. он написал статью «Бесклассовое общество», где пропагандировались идеи «отмирания догмы» (ИАЗ 1999: 131). Думается, что «правый уклон», о принадлежности к которому Н.В. Устрялов заявлял вплоть до связи с советскими агентами по поводу возвращения на Родину, составлял сущность его идейных расхождений с партийной линией. Он проявлялся в принципиальном неприятии Н.В. Устряловым как имперским националистом буржуазного толка идеи бесклассового общества. Признавая необходимость пятилетки с точки зрения усиления обороны страны, он всегда считал тактику смягчения ее проведения «очень желательной» (ИАЗ 1999: 133).

Понимая необходимость «издержек процесса» в условиях почти полной реализации национал-большевистских установок в 1934 г. в курсе советской компартии, он при этом писал о «миллионной армии рабов», которая работает на стройках социализма. Однако подчеркивал, что советское государство не может отказаться от этой «армии» в силу высокой производительности «рабочего класса № 2» (ИАЗ 1999: 137).

«Армия советских рабов», в силу своей «рабской психологии» привыкших к труду в «полуазиатской деспотии», — фразеология, достойная «демократов» Солженицына или Новодворской, но никак не идеолога, сочувственно относящегося к проблемам советского народа и государства... Трудно приписать подобные взгляды «сталинисту». Помогает пролить свет на запутанные устряловские позиции статья «Пути синтеза», написанная им зимой 1934 г. и опубликованная в Шанхае.

Говоря о ней в письме Г.Н. Дикому, харбинский «византиец», заверяя, что в своих идейных симпатиях «ближе к генеральной линии, нежели когда-либо», подчеркивал, что речь идет о синтезировании большевизма и ...фашизма! Поэтому он и боялся ее публиковать и даже показывать, наблюдая ухудшающуюся ситуацию в Харбине и прогнозируя возможный скорый приезд в СССР (ИАЗ 1999: 136). Но речь шла не о синтезе, а о выявлении родственной природы этих «двух разновидностей современного противodemократического натиска» (Устрялов 1934: 3). В духе «коммунофашистских» идеологических химер «Нового града», от которого на словах Н.В. Устрялов отмежевывался, в духе известного фашистского историка Эрнста Нольте, харбинский «сталинист», анализируя метаморфозы политического процесса в межвоенный период, в данной статье называл фашизм «младшим братом большевизма» (Устрялов 1934: 3).

Теоретические принципиальные разномыслия, которые отличали его позицию от «центрального шаблона», никуда не делись. Еще в октябре 1933 г. он стал подумывать о «переделке себя для действительного, подлинного приобщения к родной среде» (ИАЗ 1999: 125). Однако было много «но». Для Н.В. Устрялова это означало не просто смиренное принятие всего, с чем он не мог согласиться, а «второе рождение», которое для него было невозможно. В августе 1934 г., за три месяца до принятия окончательного решения о переезде в СССР, он решает для себя идти «своим путем», т.е. продолжать выражать свои подлинные позиции (ИАЗ 1999: 142—143). При этом он объяснял такую смелость тем обстоятель-

ством, что государство пока не ставило ему ограничений в свободном выражении его позиций. Как видно, ни о каком большевизме и сталинизме как заключительной стадии эволюции устряловского национал-большевизма говорить нельзя. Отказываться «авансом» от идеологической самостоятельности этот крупный мыслитель не мог. В сентябре 1934 г. он снова подчеркивал, что не собирается отказываться от своей собственной позиции: «Намолчаться всегда успеем, почему же не «поднять голос», когда не хочется молчать?» (ИАЗ 1999: 144).

Как разработчик собственной идеологической концепции Н.В. Устрялов не мог ограничиться только констатациями свершающегося национального перерождения революционной России. Всё это было, так сказать, «служебной» лояльностью власти. Он не мог отречься от своих «ересей», надеясь, что и после приезда в СССР они найдут свою аудиторию и получат развитие на родной почве в связи с потеплением политического климата.

Искренне полагая, что будет заниматься в Союзе привычным ему библиотечным делом, архивом, Н.В. Устрялов был убежден, что «нет смысла как-то переламывать себя», «жертвовать маленькими радостями свободных суждений» (ИАЗ 1999: 144). Итак, в сентябре 1934 г. Н.В. Устрялов твердо заявляет, что решение о переезде принято. Однако он осознавал, что с переездом последует запрет на «мечтания вслух», объясняя это исторической традицией, как было, например, в период жесткой цензуры при Николае I (ИАЗ 1999: 147).

Но от своих принципов он не отречется и перед отъездом, о чем свидетельству-

ют письма 1935 г. Так, в январе 1935 г., не принимая «бессильную ярость негативных революционеров первой эпохи» во время вступления революции в конструктивную, империеобразующую фазу, он выражал надежду, что «реакция генлинии жестка, но будем надеяться, что этот жесткий удар будет в то же время и коротким. Тогда его целесообразность — вне сомнения» (ИАЗ 1999: 153).

Думается, что истинные причины переезда были обусловлены не столько стремлением философа слиться с созданным им материализовавшимся эйдосом, сколько с трудностями материального существования. Ему пришлось ехать в СССР, поскольку иного выхода не было.

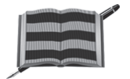
Обстановка в Харбине, пронизанная лейтмотивом депрессии, безденежья и застоя, была очень опасной. Над городом постоянно летали японские аэропланы. Частенько вспыхивали японо-китайские военные столкновения. А в феврале 1932 г. от обстрелов пострадал и дом Николая Васильевича.

В атмосфере прояпонски настроенной эмиграции возникали трудности с публикациями в советских газетах, поскольку существовала внешняя, маньчжурская цензура (*de facto*, эмигрантская). В ноябре 1934 г. «по инициативе милых наших соотечественников» Н.В. Устрялову предъявили обвинение в «нелегальном» распространении книги «Наше время», вызывали в полицию, дома в это же время произвели обыск, поставили под надзор (ИАЗ 1999: 150). Книгу признали вредной, а все найденные экземпляры конфисковали. Ситуация обострялась.

Нездоровая атмосфера русского Харбина («болезнь сознания, не только

изгнания») ассоциировалась у Н.В. Устрялова с «вулканом, парадоксально напоминающим болото» (ИА2 1999: 115). «До тошнотворности позорное» поведение белогвардейского окружения только подталкивало его к решению вернуться на Родину. Как патриот своего Отечества, он был возмущен антикитайской, антисоветской и одновременно прояпонской позицией своих соотечественников в Харбине. Негодование вызывали не только русские фашисты, которые постоянно устраивали «по соответствующей указке» антикитайские погромы, но и представители «интеллигенции» вроде бывшего колчаковского министра финансов И.А. Михайлова, который сотрудничал с японской военной миссией и редактировал прояпонскую газету на русском языке «Харбинское время».

Н.В. Устрялов сочувственно относился к китайской армии, от успеха которой зависело благополучие его родной страны на Дальнем Востоке. Как прозорливый геополитик, он прекрасно понимал, что китайско-советское сближение может сорвать планы «мирового дела окружения СССР», разрабатываемые Лигой Наций (ИАЗ 1999: 198). И, несмотря на события 1929 г., когда китайцами был спровоцирован вооруженный конфликт на КВЖД против русских, старался объективно оценивать ситуацию. Не ускользнуло от внимания Н.В. Устрялова и обострение американо-японских взаимоотношений в связи с Шанхайскими событиями. В то время как «харбинский одиночка», переживая за судьбу своей страны, надеялся, что Москва останется в позиции третьего радующегося, а «американо-японский конфликт на Тихом океане был бы неоценимым подарком для нас», «серая масса обывательской

эмигрантщины» ждала, что «день вступления японских войск в Харбин окажется последним днем советского управления КВЖД» (ИАЗ 1999: 118).

Почему Н.В. Устрялов не выбрал путь переезда в Европу? Помимо материальных трудностей, это было связано с глубоким разочарованием в идейной силе и миссии русской эмиграции: «Вырождающаяся мы порода, обреченная доживать, — писал он в октябре 1933 г. своему визави» (ИАЗ 1999: 126). С течением времени убеждение в «никчемности колебаний колеблющейся эмиграции» только возрастало, поскольку он понимал, что у нее нет «в кармане секрета спасения России»...

Выбрав для себя путь идеологической изоляции, «харбинский одиночка» оказался в ситуации «своего среди чужих, чужого среди своих». В августе 1934 г. он писал, что ему «приходится защищаться теперь больше с другой стороны и в другую сторону»: в эмигрантской среде его упрекали в окончательной идеологической капитуляции, в погоне за партбилетом; а в советских кругах были свои идеологические расхождения с его концепцией.

Приходилось вертеться. Последние харбинские письма Н.В. Устрялова, преисполненные возвышенно-патриотического, несколько пафосного духа, думается, были своего рода перестраховкой перед возвращением в мир советской Родины.

В феврале 1935 г. в письме к редактору «Завтра», отвечая на критику одной эмигрантской журналистки, которая упрекала возвращенцев в «лакействе» и «холопстве», Н.В. Устрялов отмечал: ««Хочу быть с моим народом, разделить его судьбу и идти вперед вместе с ним» — вот

психология возвращения <...>. Нужно помнить, что акт возвращения есть не что иное, как готовность оторванных от своего государства людей разделить вместе со всем населением страны выпавшую на его долю судьбу, с ее повинностями и тяготами. Если упрекать в холопстве возвращенцев, то тогда уже нужно — будучи логичным — бросать тот же упрек и всему населению СССР (что и делают твердолобые белогвардейцы)» (ИАЗ 1999: 155).

Безусловно, это была позиция человека, любящего свою Родину такой, какая она есть, который тосковал по ней. Потому: «Лучше быть холопом своей страны, нежели лакеем в европейских барах» (ИАЗ 1999: 155).

Путь эмигрантских исканий Устрялова был путем обретения самого себя. Но было ли это обретение связано с отказом от своих позиций и убеждений крупного мыслителя?

За месяц до отъезда Н.В. Устрялов заявляет, что идеи его национал-большевизма «изжиты диалектикой революции», генеральная линия, «преодолев тенденции перерожденческого термидора, заложила реально хозяйственные основы советского социализма — с одной стороны, и вступила на путь положительной государственной внешней политики — с другой» (ИАЗ 1999: 160). Устрялов отказался от «самостоятельной» политической линии. Как писалось выше, есть основания полагать, что подобные пафосные заявления были политически ангажированы. Солидаризация с советским курсом была необходимым условием возвращения и чтобы «заслужить доверие» и не отпугнуть советских людей, «новую интеллигенцию».

Можно ли полагать, что «активное приобщение к государству» являлось путем самоотречения?

Думается, и сам Н.В. Устрялов так не считал. Скорее, это было самообретение. Устряловщина — это феномен эмигрантский, целью которого было идеологическое воздействие на курс советского руководства с целью направить его в термидорианское русло. Когда эта цель была удовлетворена, когда «с идейным процессом совпало течение внешних событий», устряловщина в прежнем виде стала не актуальна, но начался новый этап в ее развитии, не сменовеховский, а советско-национал-большевистский.

Сложно согласиться с О.В. Воробьевым, что Н.В. Устрялов, отказавшись перед отъездом на Родину от собственных позиций, добровольно обрек себя на растворение «в атмосфере родной страны». Когда столкнулись идеологическая патетика с голосом рассудка, Н.В. Устрялов не побоялся отойти от шаблона, а решил меняться вместе с динамикой исторического процесса. Отказ от установок нэпа не означал отказа от идеи национального перерождения СССР, это был один из вариантов пути к главной цели: «государственному единству и блистательному великодержавию» (ИА2 1999: 121). Реализация Н.В. Устряловым одной идеи национал-большевизма не означала смерти советской идеологии.

Эпистолярное наследие представителей русского зарубежья пореволюционной волны является носителем уникальной информации для понимания глубинных процессов истории XX века. Анализ этого источника дает возможность проследить динамику взглядов, мировоззренческих

установок, концептуальных доктрин, организационных структур. В отличие от прочих личностных документов, например, мемуаров, письма содержат более объективный материал, поскольку предназначены конкретному реальному адресату, а не рассчитаны на абстрактную аудиторию будущих поколений.

Н.В. Устрялов — идейно-политический полюс русского зарубежья. Оказавшись в гуще динамичных событий 1920—1930-х гг. минувшего столетия в Харбине, в ситуации постоянных глобальных политических перемен, он как ученый постоянно размышлял над историко-философскими проблемами будущего России. Его исторический анализ международных процессов и политики советского руководства является ярким штрихом к геополитическим процессам Европы и Дальнего Востока между двумя мировыми войнами. С другой стороны, как политический идеолог, которые стремился повлиять на политические процессы в СССР, он постоянно менял свою тактику, следуя за динамично развивавшейся политической ситуацией как внутри, так и вне Советской России. Это нашло отражение в его переписке с единомышленниками.

Письма Н.В. Устрялова, посылаемые им из Харбина в Париж своему другу по сменовеховскому лагерю Г.Н. Дикому, содержат в себе массу сведений, отражавших обстановку в русском Харбине накануне передачи его китайским властям, психологию дальневосточной белогвардейской эмиграции. Также они позволяют проследить взаимоотношения Н.В. Устрялова с другими пореволюционными общественно-политическими течениями русской эмиграции.

Сохраняя оригинальность своей концепции, он активно сотрудничал с евразийцами. Более того, как выяснилось из писем, идеолог национал-большевизма не оставлял практически до самого отъезда попыток через Г.Н. Дикого и свои публицистические статьи повлиять на молодых представителей и некоторых отцов-основателей данного движения в идеологическом плане, подбрасывая им идеи и концепты. Видя в них своих идеологических «наследников», «харбинский одинок» старался повлиять на евразийцев и в вопросах тактики, призывая его адептов отказаться от пустого «активничания» и перейти на путь создания большой идеологии.

Письма Н.В. Устрялова позволяют проследить эволюцию его идейных воззрений от «правого» уклона прежнего «сменовеховства» — призыва вернуться к нэпу хотя бы в области социально-политической (речь шла о большей терпимости мнений), отказаться от форсирования индустриализации, смягчить политику репрессий — к признанию с марта 1934 г. факта национал-большевистского перерождения советской власти («Сталин — типичный национал-большевик»), к снятию нэповских лозунгов, отходу от старой схемы «от госкапитализма — к социализму» и установке на построение бесклассового общества. Однако заявления об упразднении «устряловщины» совсем не означали отречения от «национал-большевистских» установок и превращения Н.В. Устрялова в «апологета сталинизма».

Н.В. Устрялов до последнего момента искал верные способы идеологического воздействия на советское общество. Прекрасно зная, что в Союзе следят за

его творчеством на самом высоком уровне, он отказался от отпугивающей «новый человеческий материал» (советских спецов) тактики пропаганды и занялся в харбинский период выстраиванием внешне наукообразной идеологической теории, чтобы завоевать доверие советского окружения и некоторых пореволюционных эмигрантских движений в Европе. Последние письма Н.В. Устрялова перед возвращением на Родину, преисполненные пафосного духа с заверениями о полном отказе от самостоятельной политической линии, думается, были своего рода такой же перестраховкой, как и редакция личного архива. Всё это было «служебной» лояльностью власти. Н.В. Устрялов так и не отрекся от своих «ересей», надеясь, что и после приезда в СССР они найдут свою аудиторию и получат развитие на родной почве в связи с потеплением политического климата и разряжением идеологической атмосферы.

Устряловщина — феномен эмигрантский, целью которого было идеологическое воздействие на советскую власть в целях национально-имперского перерождения страны. Когда же «с идейным процессом совпало течение внешних событий», устряловщина в прежнем виде стала не актуальна, но начался новый этап в ее развитии: советско-национал-большевистский. Смена формы не означала отказа от содержания.

Говоря о причинах возвращения Н.В. Устрялова на Родину, нельзя согласиться с позицией известного исследователя А.В. Квакина, что решиться на этот шаг его заставили «идеи, пропагандируемые им в течение последних 15 лет». Известно, что мечтой Н.В. Устрялова бы-

ло посещение Европы. Авральный переезд в СССР был связан с подписанием договора о продаже КВЖД Японии и крайне недружелюбной атмосферой в среде харбинской белоэмиграции, видевшей в Н.В. Устрялове идеологического «капитулянта», чужого среди своих. Травля эмигрантской цензуры, вызовы в полицию по указке прояпонски и антисоветски настроенных соотечественников делали его пребывание в Харбине невыносимым.

В то же время «усталость от перманентной двусмысленности нашего заграничного бытия» дополнялась «собачьей тоской» по дому и желанием быть вместе со своим народом перед угрозой фашистской агрессии, которую Н.В. Устрялов предчувствовал еще в 1932 г.

В переписке с Г.Н. Диким Николай Васильевич раскрылся как незаурядный геополитик, чьи прогнозы впоследствии имели практическое подтверждение. Анализируя международную обстановку 1932 г., он предвосхищал планы национал-социализма по выстраиванию блока-«оси» со странами Европы и Японией; предсказывал, что для СССР прелюдией к вступлению в глобальную войну будет конфликт с Японией. Рассматривая деятельность Лиги Наций, Н.В. Устрялов

прекрасно понимал, что это европейский геополитический рычаг давления на СССР. В апреле 1933 г., когда в мировой атмосфере «конкретнее запахло темой раздела России», Н.В. Устрялов точно очертил геополитические планы аутсайдеров Версальской системы — расчленение России.

Сочувствуя и переживая СССР, Н.В. Устрялов находил внешнюю политику Москвы безукоризненной, полагая, что именно с осознания руководством страны верного имперского геополитического курса началось национальное «перерождение» страны: от Коминтерна к Наркоминделу, от революции к государственности.

Письма идейного вождя русской эмиграции Н.В. Устрялова предвоенного периода представляют собой ценнейший материал, который дает уникальную информацию о политическом портрете этой крупной фигуры русского зарубежья, настоящего патриота своей страны и отражает эволюцию его воззрений. В этой связи представляется, что публикация и изучение эпистолярного наследия эмиграции должны войти в круг приоритетных задач современной исторической науки.

Литература:

Воробьев 1999 — Воробьев О.А. «Под диктатурой иррациональных факторов» // Исторический архив. 1999. № 1. С. 200.

ИА1 — «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. 1930—1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 200—211.

ИА2 1999 — «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. 1930—1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 92—126.

ИА3 1999 — «Политическая эмиграция не наш путь». Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. 1930—1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 3. С. 107—166.

Квакин 2007 — *Квакин А.В.* Императив «смирения» (Вынужденное предисловие к несостоявшейся книге о профессоре Н.В. Устрялове) // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Т. 2. Калуга, 2007. С. 98—112.

Устрялов 1934 — *Устрялов Н.В.* Пути синтеза (очерки философии эпохи) // Наше время (сборник статей). Шанхай, 1934. С. 3—4.

Устрялов 2003 — *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию (предисловие) // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. М., 2003.

References:

IA1 1999 — «Politicheskaya emigratsiya – ne nash put». Pisma N.V. Ustryalova G.N. Dikomu.1930–1935 gg. [“Political emigration is not our way”. Letters of N.V. Ustryalov to G.N. Dikoy. 1930–1935], *Istoricheskiy arkhiv*. Moscow, 1999, no. 1, pp. 200–211 [in Russian].

IA2 1999 — «Politicheskaya emigratsiya – ne nash put». Pisma N.V. Ustryalova G.N. Dikomu.1930–1935 gg. [“Political emigration is not our way”. Letters of N.V. Ustryalov to G.N. Dikoy. 1930–1935], *Istoricheskiy arkhiv*. Moscow, 1999, no. 2, pp. 92–126 [in Russian].

IA3 1999 — «Politicheskaya emigratsiya – ne nash put». Pisma N.V. Ustryalova G.N. Dikomu.1930–1935 gg. [“Political emigration is not our way”. Letters of N.V. Ustryalov to G.N. Dikoy. 1930–1935], *Istoricheskiy arkhiv*. Moscow, 1999, no. 3, pp. 107–166 [in Russian].

Kvakin 2007 — *Kvakin A.V.* Imperativ “smireniya” (Vynuzhdennoye predisloviye k nesostoyavsheysya knige o professore N.V. Ustryalove) [The Imperative “humility” (A forced introduction to an unfinished book about professor N.V. Ustryalov)]. *Nikolay Vasilyevich Ustryalov. Kaluzhskiy sbornik*, v. 2, Kaluga, 2007, pp. 98–112 [in Russian].

Ustryalov 1934 — *Ustryalov N.V.* Puti sinteza (ocherki filosofii epokhi) [The path of synthesis (studies of philosophy of the epoch)]. *Nashe vremya (sbornik statey)*. Shangkhai, 1934, pp. 3–4 [in Russian].

Ustryalov 2003 — *Ustryalov N.V.* V borbe za Rossiyu (predisloviye) [In the struggle for Russia (Preface)]. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003 [in Russian].

Vorobyev 1999 — *Vorobyev O.A.* “Pod diktaturoy irratsionalnykh faktorov” [“Under the dictatorship of irrational factors”]. *Istoricheskiy arkhiv*, 1999, no. 1, p. 200 [in Russian].

Александра Михайловна Матвеева

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ).

E-mail: warhistory.igh@gmail.com

Alexandra Mikhailovna Matveeva

Ph.D. (History), Associate Professor of History and Cultural Studies of the Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI).

E-mail: warhistory.igh@gmail.com